

О ПУБЛИЦИСТИКЕ ПОЭТА ВЛАДИМИРА ВОЛКОВЦА

М. М. Рябий, И. Г. Рябий

Владимир Волковец в Югре не зря прослыл замечательным художником слова: он – талантливый поэт, а прошлым – успешный журналист, проработавший не один десяток лет в периодических изданиях города Советского. Им пройден непростой путь – от рядового корреспондента до руководителя газеты. Многие читатели, познакомившись с его печатными материалами, становились поклонниками его публицистики. К сожалению, об этой стороне творчества Владимира Волковца написано до обидного мало.

Журналистом он стал не после окончания университета, но познав разные стороны жизни: учебу в техникуме, работу в колхозе и автомастерской, службу в армии. Затем – литинститут: три года очного обучения, а затем заочного, поскольку семью нужно было кормить. И только потом уже была районная газета «Путь Октября». Поэтому не стоит спрашивать, где начало его творчества. Владимир однажды заметил, что начитанность человека – это не всегда почва для творчества. По его мнению, творчество все-таки отталкивается от живой жизни, от опыта, от того, что ты пережил – потерял или, наоборот, приобрел. Ссылаясь на поэтическое наследие советского поэта Владимира Соколова, наш герой считает, можно жить и в придуманном мире, но этот мир будет носить оттенок искусственности, а не подлинности.

Для Владимира Волковца библиотекой всегда была Природа и Жизнь. Здесь он черпает свои чувства и мысли в том избытке. Дар его заключается еще и в умении балансировать на той хрупкой грани, что позволяет ему не кануть в бездну пошлости и безвкусицы, как это случилось со многими талантливыми провинциальными писателями. Провинция на каком-то этапе может стать губительной для творческой личности, если не обретет духовной опоры для себя. Волковец эту опору нашел.

С самого начала своей журналистской карьеры газетчик Волковец предельно искренен, поскольку он всегда знал цену тому, о чем писал, стараясь отражать истинное. Владимир понимал, что районка не потерпит никакой фальши: «...Если в чем-то совершь, то завтра тебя встретят читатели и выскажут в глаза свое отношение к напечатанному». [2: 237]. Работая корреспондентом, он объездил почти все предприятия Советского района, знакомился с людьми и производством. Газета дала ему не только опыт человеческого общения, но и научила избегать штампов в литературном деле, ценить образный язык, видеть за обычным фактом судьбу человека.

О чем пишет Владимир Волковец? О непрочности этого самого бытия, о неустойчивости нашего нерадостного мира – и запечатлевает все это во внешне простых газетных статьях. При этом он помнит пушкинский наказ о том, что климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Стоит только обратить внимание на образ мыслей и чувствований творческого человека – и сразу понимаешь, к какому роду-племени принадлежит этот художник. А принадлежит он своим творчеством исключительно своему народу, поскольку и сам выходец из самых что ни на есть его «глубинных» недр.

Распахивая свою душу, автор говорит о самом себе без прикрас, не отделяя себя от всех прочих. Свой дар он посвящает людям и мечтает не о собственной славе, а о взаимопонимании, поэтому одной из главных черт его публицистики является особая открытость, теплый тон. Сам Владимир считает, что «у слова сердце есть».

Его лирическая публицистика, обнародованная в первом номере писательского альманаха «Эринтур», поразила читателей. Его миниатюры-зарисовки с натуры увлекают своей искренностью и наблюдательностью. «Камушки» – не просто история о том, как герой-повествователь, соревнуясь с приятелем, забыв про осенние грибы и ягоды, увлекся

сбором полудрагоценных камней – агатов, желто-красного халцедона и сердолика. Автора удивило чувство, которое герой испытывал при этом: «Глаза машинально выискивали среди галечника самоцветы.

Я остановил себя, когда вдруг испугался – больше ни о чем не могу думать, только как бы отыскать повеселее сердолик, собрать побольше, стать обладателем целого состояния. Жуткое, противное, невытравимое, влекущее желание. Камни стали сниться, мучить. Мы еще несколько раз выезжали на то место и возвращались затемно с горстью желтовато-прозрачных, изъеденных временем камушков. И тянуло еще...

Это чувство прошло как только выпал первый снег» [2: 270].

Символично то, что соблазн прошел с первым снегом – обеляющим все и вся, и герой благодаря целебной силе природы победил в себе низменную тягу к накопительству.

Незабываема зарисовка «Ворона» – о похождениях птицы в пивной. Поражает финал повествования о пернатой пьянице: «Однажды мы ее перед самым закрытием вынесли на свежий воздух: жалко, сопьется птица. А утром, проходя мимо пивнушки, увидели ее переминающейся в толпе мужиков, жаждущих «опохмелятора». [2: 272].

Еще страшнее зарисовка «Запой» – история-исповедь о запойных катастрофах. Героя преследует навязчивая идея об измене жены, которой обычно подвержены алкоголики, страдающие комплексом неполноценности: «навязчивая, самому себе внушенная мысль об измене жены, бессилие и ревность, желание протрезветь и реально оценить случившееся, и невозможность это сделать» [2: 273]. Автор использует прием «замещения»: о нерадостной доле жены, живущей с мужем-пьяницей и ушедшей от него после очередного избиения, безмолвно повествует другой персонаж – полуголодная собачка. Она «обходит комнаты, обнюхивает углы, вздыхает. А потом вспрыгивает на кровать и свертывается клубком под боком хозяина. Чутко взлетает, если опять кто-то заглянет на огонек. Разбудит хозяина, все более сознающего, что он наделал, все более молчаливого» [2: 274]. На этом, казалось бы, можно и поставить точку, но писатель дает своему герою шанс: «Трезвеет человек. Внутри его, где-то под сердцем и глубже начинает сифонить, сквозить все мучительней и больней гремучая смесь стыда, совести и тоски... Господи, дай ему силы все вытерпеть!» [2: 274].

Эти произведения, написанные два десятилетия назад, актуальны и сегодня. Публицистика Владимира Волковца берет за живое, поскольку истинное творчество – художественное и публицистическое – отличается устойчивый и ясный взгляд на вещи. Художник правдив и одновременно тактичен. Правдивость в его произведениях выражена рельефно и убедительно. Поднимая актуальнейшие темы современности, он избегает плакатности, пафосных обвинений и восхвалений, вообще любых громких и абстрактных слов. Говоря, например, о вопросах нравственности, духовности, он никогда не произносит всуе слова «Бог», он бежит, как от чумы, от аллилуйи и ярлыков, изображая любого человека, каким бы опустившимся он ни был, с сочувствием к его боли.

В творчестве последнего десятилетия Владимир Волковец призывает читателей задуматься о том, что происходит с каждым из нас. В его «эссеистском» произведении, венчающем книгу «Река моя, память-транзит...» с символическим названием «Год как жизнь», в первых строчках заложен глубокий смысл – что есть бытие человеческое? Конечно, вопрос это философский и за все человечество на него трудно ответить, точнее, просто невозможно... Однако о своей жизни автор попытался сказать емко и образно: «В одной руке – медный пятак 1953 года, в другой – алюминиевая монетка 2003 года. Между этими датами – моя полувекковая жизнь. Как она подешевела!?» [1: 111].

Этот лобовой прием не может не вызвать читательской заинтересованности. О чем размышляет автор? Он чувствует, как что-то неуловимо-жестокое ломает наше сознание, деформирует души сограждан. Люди не просто меняются, они подчиняются велениям незримых злобных сил. Волковец делает попытку разобраться – кто, как и зачем их обманывает, маскируя ложь под правду?

Когда чеканился медный пятак 1953 года, года рождения Владимира Волковца и смерти вождя народов Иосифа Виссарионовича Сталина, у нас была другая страна и другая эпоха. Никто тогда не был в состоянии напрячь мозги настолько, чтобы представить, что будет с нами, когда появится на свет маленькая и легонькая монетка из алюминия 2003 года, поскольку реальность превзошла все ожидания. С сожалением он констатирует: «Как люди думающие, сомневающиеся, радующиеся, грустящие, творящие, создающие, неповторимые теперь не нужны. Друг другу рассказываем то, что вдалбливает в нас методично и нагло телевидение. Сопровитляемся этому, но все слабее, не хватает духу выключить» [1: 121]

Где черпать нравственные силы для сопротивления, чтобы не превратиться в самодовольное и послушное глобалистам быдло? Как публицист, Владимир Волковец во многих своих произведениях обращает наше внимание на людей старшего поколения – ветеранов. Продолжение этой темы есть у него и в поэзии, достаточно только вспомнить героев его стихотворений «Инвалид» и «Дед».

Если в первом осмысливается всего лишь один эпизод из жизни человека, то во втором, используя такой литературный прием, как предположение (эти литературные приемы можно встретить не только в поэзии, но и в публицистике). Автор дает читателям как бы «мимоходом» характеристику уходящего поколения, что прошло через такие испытания, которые идущим следом за ним просто не под силу вынести, ибо не фронтовики, а те, кто воспользовался их победой, растратили и распродали все, что только можно было в нашей стране. Мы стали бескрылыми и приземленными настолько, что рядом с собой видим «не сад в цвету», где «благостно на сердце» («Дед»), а «небритые лица вора, вруна, подлеца...» («Девяностые»). Мы не сумели оказать сопротивление пятой колонне в нашей стране – нечистым на руку дельцам, проявляющим нездоровый интерес лишь к имеющим «наличман».

В эссе «Год как жизнь» Владимир Волковец говорит о людях, подобных ему, которых раньше было большинство в нашей стране: «Как человек, носитель какой-то духовности или знаний, я никому не нужен. Даже грабителю я интересен, как имеющий деньги. Если кто-то вспоминает обо мне, то интересуется подспудно моей пенсией, если кто-то знакомится, то гадают, какую пользу можно извлечь из нашего знакомства. И веселимся мы за деньги, и болеем за деньги, и всем другим занимаемся не без корысти. И постепенно мы становимся тем, насколько платежеспособны» [2: 274]. Если уходящее поколение ветеранов уносит с собой еще недавно котиравшиеся духовные ценности, то у нынешнего молодого поколения ценности иные: деньги, успех, удовольствия. Такая ситуация сложилась не от того, что в нашей стране стало меньше героев, просто мода поменялась – увы, такова нынешняя реальность!

Писательница-романистка, отдавшая также дань публицистической деятельности в нашем регионе, Маргарита Анисимкова, сетовала: не нашла в Югре Павку Корчагина для того, чтобы списать с него образ для подражания молодежи 1970-х годов. Верно, другое время наступило в стране! Она не одинока. В моде антикорчагины. В эссе о наболевшем Владимир Волковец подчеркивает: «наш район в год вырубал миллионы кубометров леса. Три Героя Соцтруда и десятки заслуженных орденосцев» [1: 128]. И что из этого следует? Ничего! Плевать власти на этих и остальных людей, рядовых тружеников. «Они себя не чувствуют покорителями тайги, скорее отбросами. Редко кто из них дожил до семидесяти: лесовозники, чекеровщики, пилоточи, вальщики... В пятьдесят им закон прописал уходить на пенсию, они уходили в этом возрасте на тот свет» [1: 128].

Неужели выхода нет?

Владимир Волковец обращается к лучшему на земле, где социум с наступающим глобализмом не властен, это, по его мнению, – природа. И только тонко воспринимающий все окружающее художник, может сделать такое признание: «<...> посмотришь в синь между сосен и неожиданно родным почувствуешь мир, будто не ты в нем живешь, а он в тебе болит, радуется и переживает от нехватки кислорода...» [1: 128].

Значительная часть публицистики Владимира – о Природе с большой буквы, поскольку здравомыслящему человеку остается уповать только на ее чудодействие, да еще на Господа. Под понятие «Природа» подходят не столько лесные и остальные земные богатства, что кормят человека и не дают ему пропасть, но и весь опыт человечества, запечатленный в его

духовных сокровищах. Неслучайно же Владимир обмолвился: «Старею и потому ближе держусь к вечному, к тому, что не подведет, к природе, земле и любимым книгам» [1: 120].

Не каждому поэту и публицисту дана столь тонкая наблюдательность, чтобы при помощи мелких подробностей осеннего пейзажа уловить духовную и целительную силу леса. Владимир Волковец в творчестве – не просто художник-живописец, фиксирующий на своих полотнах каждую конкретную деталь. Его картины иного свойства: они пробуждают любовь к России, ее таежным богатствам. Они в словесных образах зримо передают мудрое устройства мира. Все здесь выверено тысячелетиями из дня в день, от эпохи к эпохе. Человечеству, объятому социальными потрясениями, никогда не постигнуть эту высшую закономерность природного бытия, и только художник такого уровня, как Владимир Волковец, может попытаться нас заставить обратить внимание на зашифрованный смысл послания к человечеству: отбросить все суетное и пересмотреть свои интересы. Казалось бы, привычные образы осеннего увядания запечатлены в обреченных «спиралях паучьих сетей», в смешении красок прелых и ярких листьев «на шляпах молочных груздей», но под кистью живописца-философа именно они вызывают наше благоговение ко всему, что «пришло процветать и умереть».

Кто обратит внимание на пакет из-под хлеба, брошенный на зимнюю дорогу? Февральский ветер то раздувает его, то оставляет в покое. Кто заинтересуется воробьем, внимательно наблюдающим эту картину? Наконец, кому есть дело до зазевавшейся птицы, попавшей волей случая в целлофановую ловушку, польстившись на оставшиеся там хлебные крошки? Герой эссе приносит бедную птицу домой, чтобы обогреть и накормить – и при этом не собирается ее ни к чему принуждать: пусть воробей сам решит, что ему дороже: сытая неволя или свобода. В этой сцене – не просто отношение человека к живому существу. Мысль автора гораздо глубже: «<...> домой принес лишь потому, чтоб хоть с какой-то живой душой разделить одиночество свое» [1: 114].

Надежда на то, что еще не все потеряно, теплится в каждом из живущих сегодня. В чем она проявляется, если следовать публицистической мысли Владимира Волковца? В ощущении героя, что он не одинок: «Чем дольше живешь, тем больше невидимых нитей, которыми связан со своим народом. Потянешь за одну и въяве увидишь себя лежащим в разнотравье среди ромашек и клевера, гуда шмелей и птичьего пересвиста. И возродится в тебе желание жить, как в детстве, долго-долго насытиться весенне-летним цветением, вобрать в себя все краски и соки, и запахи земные в пору зрелости природы, а осенью разразиться полновесными плодами, чтобы зимой спать легко и спокойно. Не сбить нас с этого лада рекламным чужестранным празднотием, где времена года размыты, а то и вовсе круглый год одно лето сплошное. Мы же как-то всенародно радуемся весеннему потеплению и первому предзимнему снежку, многосугробной зиме и высокотравному, щедрому лету. Может быть, еще и потому для нас порой сводка погоды на предстоящий день важнее политического климата в стране» [1: 118–119].

Роль человека, по мысли Волковца, быть звеном в цепи между прошлым и будущим, между природой и цивилизацией, которую нужно изменить. Однако, он, конечно же, не столь наивен, как в период своего писательского мужания. Былого оптимизма 1970-х и 1980-х у него не найти. В публицистической зарисовке «Актуальное», автор, размышляя о том, как все растения на земле уживаются под солнцем, невольно рождает отчаянный клич: «Вразуми человека, природа!» [2: 270]. Делает он это весьма талантливо. С одной стороны, воспекает красоту и очарование природного мира, находя при этом броские и неожиданные метафоры, сравнения и эффектные художественные приемы. С другой стороны, пытается усовестить нерадивых граждан, не задумывающихся о том, что они творят с колыбелью человечества. Кто-то скажет: многие в нашем обществе на это способны и поддерживают природоохранные меры. Да, это так. Но только такие талантливые художники, как Владимир Волковец, могут сказать об этом своим читателям пронзительно и весомо, а главное – внушительно.

Литература

1. Волковец, В. М. Год как жизнь [Текст] / В. М. Волковец // Владимир Волковец Река моя, память-транзит... Стихи. Советский, 2012. – С. 111–134.
2. Волковец, В. М. Проза поэта. Эринтур [Текст] / В. М. Волковец. – Ханты-Мансийск, 1996. – Вып. 1. – С. 269–274.